
НОВАЯ
ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ВИЗАНТИЯ
И ВИЗАНТИЙСКОЕ
НАСЛЕДИЕ
В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ,
СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

УДК 94(495)
ББК 63.3(0)4
В 97

Издание подготовлено в Севастопольском государственном университете в рамках выполнения мегагранта Министерства высшего образования Российской Федерации, соглашение № 075-15-2022-1130

The edition is prepared in Sevastopol State University with support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Agreement no. 075-15-2022-1130

*Одобрено к печати решением Ученого совета
Института общественных наук и международных отношений
Севастопольского государственного университета
№ 18 от 30 мая 2023 г.*

Byzantinotaurica: Византия и византийское наследие В 97 в Причерноморье, Средиземноморье и Восточной Европе. Тезисы докладов всероссийской научной конференции, Севастополь, 25–28 сентября 2023 г. / под ред. С. П. Карпова, М. В. Грацианского, С. Г. Бочарова. – СПб.: Алетейя, 2023. – 106 с.: ил. – (Новая Византийская библиотека. Byzantinotaurica).

ISBN 978-5-00165-721-7

Издание содержит тезисы докладов всероссийской научной конференции «Byzantinotaurica – I: Византия и византийское наследие в Причерноморье, Средиземноморье и Восточной Европе», проходившей на базе Севастопольского государственного университета 25–28 сентября 2023 г. В докладах представлены научные темы и направления современных российских антиковедения, византиноведения, медиевистики и востоковедения. Для специалистов и студентов, интересующихся актуальными подходами к изучению всеобщей истории античного и средневекового периодов.

УДК 94(495)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-00165-721-7

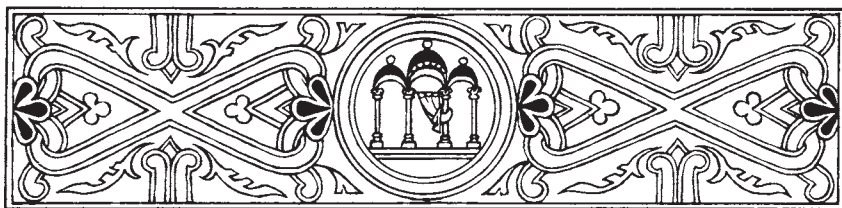
@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© Коллектив авторов, 2023
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2023

Содержание

<i>Л. А. Беляев.</i> Центрический храм XIV века в Московском Кремле и его крымский аналог.	5
<i>Н. Н. Болгов.</i> Пути византинизации позднеантичного города в Восточном Средиземноморье	10
<i>С. Г. Бочаров.</i> О градообразовании на Крымском полуострове в XIII–XV вв.	16
<i>Н. И. Быстрицкий.</i> Цифровой атлас византийского Крыма: некоторые соображения.	20
<i>М. В. Грацианский.</i> К вопросу о генезисе соборного строя христианской Церкви	24
<i>А. Г. Еманов.</i> Талассополис в эпоху глобальных потрясений: кейс Кафы XIV–XV вв.	32
<i>Е. Ю. Ендольцева.</i> Специфические черты архитектурной декорации храмов Северного Кавказа и Закавказья в IX–XI вв. как отражение локальных особенностей христианской культуры.	33
<i>П. В. Ермилов.</i> «Первые» и «протевонты» византийских городов: проблемы изучения	37
<i>С. П. Картов.</i> Сталии – налоги на оклады магистратов генуэзских факторий Причерноморья. Анализ малоизвестных архивных источников.	40
<i>Т. В. Куц.</i> Праздник Нового года в поздней Византии	43
<i>И. А. Ладынин.</i> Египетский царь Сострис в «Хронографии» Иоанна Малалы: к вопросу о пересечении традиций	46
<i>С. Н. Малахов.</i> Аланская митрополия в церковно-административной структуре Константинопольского патриархата (X–XVI вв.)	51
<i>Ю. М. Могаричев, А. С. Ергина.</i> Неизвестный рисунок стенописи Главного храма Шулдана.	57
<i>В. Л. Мыц.</i> Крепость Алустон в VI–XV вв.: от византийского фруриона до генуэзского консульства	63
<i>К. А. Панченко.</i> Омейяды и римское имперское наследие: некоторые наблюдения	71

<i>А. В. Подосинов.</i> Позднеантичные и раннесредневековые источники по исторической географии Крыма: континуитет и новации	76
<i>С. Н. Савенко.</i> Проявления византийского влияния в материальной и духовной культуре населения Кавказских Минеральных Вод: общий обзор . . .	80
<i>С. Ю. Сапрыкин.</i> Константин Багрянородный как источник по истории античного Херсонеса	87
<i>И. В. Тункина.</i> Раскопки военного инженера К. Е. Геммельмана в Херсонесе: Новые архивные материалы.	91
<i>А. Г. Цыпкина.</i> М. Я. Сюзюмов о феодализме (по материалам писем в Архиве РАН)	96

Л. А. БЕЛЯЕВ
Институт археологии РАН (Москва)

Центрический храм XIV века в Московском Кремле и его крымский аналог*

Цель доклада ограничена анализом истории изучения всего двух зданий. Но на этом небольшом примере можно поднять вопрос о методах анализа объектов архитектуры как носителей историко-культурных и этно-конфессиональных традиций.

Первый из объектов стоит, в буквальном смысле слова, на крымской почве. Он достаточно известен и выделяется даже на фоне чрезвычайно богатой архитектурной истории Крыма. Это восьмиугольное в плане сооружение было открыто в конце XIX в. на Мангупе¹. Его не

* Тезисы подготовлены в рамках научной темы Института археологии РАН № НИОКТР 122011200385-1.

¹ Полная история открытия и изучения излагалась не раз, причем повторялись и аргументы дискуссии. Основная литература: *Мыц В. Л.* Крестообразный храм Мангупа // Советская археология. 1990. № 1. С. 224–242; *Кирилло В. П., Мыц В. Л.* Октагональный храм Мангупа // Античная древность и средние века. 2001. Вып. 32. С. 354–375; *Кирилло В. П.* О времени строительства Мангупского октагона и его идентификации (к вопросу об интерпретационных возможностях источника) // *Stratum plus*. 2010. № 6. С. 103–120; *Герцен А. Г., Науменко В. Е.* Октагональная церковь Мангупской цитадели по данным археологических исследований 1997–1999 гг.: планировка, стратиграфия, хронология // Античная древность и средние века. 2009. Вып. 39. С. 423–466; *Герцен А. Г., Науменко В. Е.* Октагональная церковь цитадели Мангупа (Крым): вопросы хронологии и архитектурной композиции // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 53 (Архитектура Византии и Древней Руси IX–XII вв.: материалы международного семинара). СПб.: Издательство Госу-

раз изучали, пока, наконец, не раскопали полностью в 90-х гг. XX в. Все исследователи согласны с тем, что это христианское здание, вероятно, капелла. Но более узкая атрибуция октагона, включая дату и архитектурную традицию, до последнего времени служили предметом оживленной дискуссии, в сущности, еще не законченной.

По ходу изучения октагона его даты двигались от середины I до середины II тыс. н.э., став частью общих споров о хронологии церковного зодчества Крыма и отразив причудливые трансформации представлений о его христианской археологии. Активно, но не вполне уверенно, называли и корни архитектурной традиции – армянские, раннехристианские вообще и византийские в частности, исламские. Такой подход требовал самых обширных экскурсов в архитектурную традицию Средиземноморья и Закавказья, а также выхода в область теории архитектурных форм в манере А. Л. Якобсона.

К сожалению, археологическая датировка памятника, несмотря на значительные усилия опытных исследователей, недостаточно узка и говорит скорее о времени разрушения, чем возведения объекта. Дата по архитектурным признакам мало надежна, кочующие же из статьи в статью аргументы от общей истории Мангупа, отсылки к яркому эпиграфическому памятнику, надписи 1427 г. о церкви свв. Константина и Елены, привязаны к октагону все же условно. Они приемлемы, но только в том случае, если нет противоречащих фактов.

Участники дискуссии привлекли, кажется, все известные октагоны. Кроме одного. Объект лежит далеко от Крыма и не слишком известен, хотя опубликован давно¹. Речь об остатках каменного здания в центре Московского Кремля, на Соборной площади. В 1913 г., при обновлении Успенского собора, комиссия по его реставрации обнаружила чуть ниже мощения прилегающей площади белокаменное основание здания, столь же необычного для Москвы, как Мангупский октагон – для Крыма. Его обмерили и сфотографировали (под руководством известного архитектора П. П. Покрышкина). Бедная стратиграфия заставила его отнести руину к XVIII в., в силу чего она внимания

дарственного Эрмитажа, 2010. С. 227–253; Герцен А. Г., Науменко В. Е., Шведчикова Т. Ю. Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV–XVII вв.). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 43.

¹ Кавельмахер В. В., Панова Т. Д. Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади Московского Кремля // Культура средневековой Москвы. XIV–XVII вв. М., 1995. С. 66–83.

других ученых не привлекла. После прекращения работ (1918 г.) об этих материалах просто забыли.

К счастью, их обнаружили и опубликовали сотрудник ГММК Т. Д. Панова и архитектор В. В. Кавельмахер (атрибуция, анализ), определив как фундамент храма-колокольни Иоанна Лествичника – святого патрона князя Ивана Калиты. Дата его постройки известна из летописи: 1329 год. Это тот храм, который в 1505–1509 гг. сменили новым, на новом месте, постепенно выросшим в ныне существующий комплекс церквей со звонами – Иван Великий.

Об октагоне аналогичного плана на Мангупе в публикации не было ни слова, но в мемуарных записях В. В. Кавельмахер в одной фразе указал на него, правда, без сноски на старую литературу (мемуары опубликованы после смерти автора)¹.

После некоторых колебаний, и не без оговорок, цех историков архитектуры принял новую атрибуцию, включив ее в «Историю русского искусства», хотя опять без отсылки на октагон Мангупа². Нет до сих пор в литературе и обратной отсылки, от крымского октагона к кремлевскому³. Если посмотреть на дело с точки зрения голых фактов, то первая и основная задача доклада сводима как раз к преодолению этого разрыва.

Правда, остаются сомнения: действительно ли В. В. Покрышкин обнаружил именно октагональный памятник, а не храм нормального культа, от которого раскрыл только апсиду. Но сходство объектов велико и представляется убедительным аргументом. Попробуем их сравнить. Кроме близкого плана (восьмигранник с вписанными крестообразно ячейками и одной полукруглой апсидой) и, условно, техники (крупные белокаменные квадраты), можно говорить о почти точно повторенном размере: в Крыму – 8.0 × 8.5 м, в Кремле – поперечник

¹ «Такой же октагон, как показанный мною Иоанн Лествичник, есть в крепости на Мангупе в Крыму. Это – византийская крепость» – В. В. Кавельмахер о себе и современниках. Электронный ресурс. <http://www.kawelmacher.ru/kavelmacher5.htm> Посещение 06.08.2023.

² *Баталов А. Л., Беляев Л. А.* Архитектура Твери и Москвы // История русского искусства в 22 томах. Т. 4. Искусство середины XIII – середины XIV века / Под ред. А. С. Смирновой. М., 2019. С. 187–189.

³ Во всяком случае, мне она не встретилась в литературе вплоть до свода 2021 г.: *Науменко В. Е., Герцен А. Г., Иожица Д. В.* Христианский Мангуп. современная источниковая база и основные этапы истории // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2021. Вып. XXV. С. 255–281.

8.49 м. Правда, есть и отличия: на углах московского октагона были колонки, которых нет у крымского, а толщина стен более 1.5 м и менее 1.0 м (соответственно). Это, видимо, вызвано тем, что на Мангупе стены стоят прямо на скале, а в Москве на глине, да еще на здание нужно было повесить колокола. Возможное отличие – западный «притвор» крымского октагона, но западная часть здания в Москве не раскрыта, и корректное сравнение невозможно. К чертам сходства следует отнести и уникальный характер обоих памятников в заданном месте и времени. Впрочем, московские колокольни будут с XVI в. очень часто получать такое восьмигранное основание. Такие формы характерны и для звонниц Италии. Но откуда об этом узнали так рано в Москве?

Есть и соображения, которые могут помочь вписать оба октагона в культурно-историческую среду. Если обе даты, держащиеся на письменных источниках, правильны, то разрыв между сооружениями – около 100 лет. Это период, когда формировалась «первая редакция» московского белокаменного зодчества. Мы находим его в созревшем виде к началу XV в. Оно представлено тремя сохранными храмами (два в Звенигороде, один в Троице-Сергиевой лавре) и остатками двух-трех сооружений в Москве, в Кремле и в Богоявленском за Торгом монастыре¹.

Это храмы с куполом на четырех столпах и открытым фасадом с трехчастным резным фризом. Его генезис, как в части конструкции, так и в отношении истории орнамента, вызывал вопросы десятилетиями. В последние годы все яснее, что это работа малоазийских и крымских резчиков, знакомых с построением сложного (привычное условное название – «сельджукский») декора². Сами резчики вряд ли были тюрками и мусульманами: скорее всего, это армянские ремесленники из центральной Малой Азии (Коньи, Киликии), работавшие и для за-

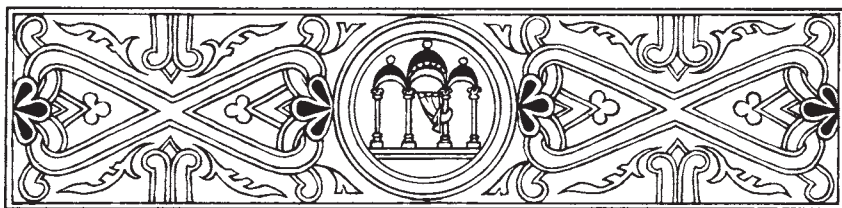
¹ В раннем зодчестве Москвы вопросов, конечно, больше. Нужно заново изучать храмы конца XIV в. в Коломне – это «храмы с угловыми опорами» (как и оба октагона). Заколебалась дата непохожего на другие группы храма Спаса Преображения в Андрониковом монастыре. Все они могут дать неожиданную систему связей.

² *Беляев Л.А.* Исламский Восток и формирование материальной культуры Московской Руси: о методических подходах к оценке // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 18–33; *Баталов А. Л.* «Арабский цветок»: к вопросу о генезисе декоративных мотивов в московской архитектуре XIV–XV вв. // Российская археология. 2018. № 3. С. 153–163; *Belyaev L.* The Seljuk Stone Carving of the Late 14th – Early 15th Century: Jerusalem, Anatolia, Crimea and Moscow // Abstract book of the 25th EAA Annual Meeting (Bern, 2019). Bern, 2019. P. 604 и др.

казчиков-христиан, и для приверженцев ислама. Принесенный ими «арабеск» получит серьезное распространение в Москве и будет популярен вплоть до русско-итальянских построек конца XV–XVI вв. Более сложные растительные ленты, напротив, быстро исчезли.

Исторически известны связи Москвы с геноузским Крымом. Их всё более подтверждает археология (например, изучение керамики). Известно о притоке на Русь мастеров из Орды, в том числе из крымских городов, после 1395 г. Но это не снимает возможности контактов с ними и ранее, в течение XIV в. Появление октагона в Кремле в 1329 г. можно отнести на их счет. Наследник восьмигранных конструкций ранних христиан, храмов поздней Византии и переработанных исламских дюрбе, октагон в Кремле, вероятно, возведен мастерами из Крыма – армянскими, греческими или даже итальянскими (в Италии восьмигранник в основании – обычное решение для колоколен и капелл).

Н. Н. БОЛГОВ

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Севастопольский государственный университет

Пути византинизации позднеантичного города в Восточном Средиземноморье

До самого конца истории античной цивилизации ее основным и важнейшим признаком оставался самоуправляющийся город (полис). В позднеантичный период, который определяется большинством специалистов как IV – начало VII вв., в Восточном Средиземноморье происходит глубокий процесс *трансформации* города – изменение его основных функций и признаков и, как следствие, размывание фундаментальных основ и элиминация античного характера. Этот процесс можно назвать *византинизацией* города. Он включает изменение функций позднеантичного города при его сохранении (континуитет).

Ему на смену в VII в. приходит процесс *медиевализации*¹ – полного упадка, полной смены характера города и, во многих случаях, его гибели.

¹ Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII – середина IX в.) // Византийский временник. 1967. Т. 27. С. 38–70; Романчук А. И. Византийский город периода «темных веков»: дискуссия в историографии второй половины XX в // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. Т. 120. № 4. С. 23–28; Foss C. Archaeology and the «Twenty Cities» of Byzantine Asia // American Journal of Archaeology. 1977. Vol. 81. № 4. P. 469–486; Курбатов Г. Л. Вопрос о судьбах византийского города в VII в.: некоторые замечания // Византийский временник. 1994. Т. 55. С. 69–72.

Византинизация позднеантичного города имеет две основные составляющие: социально-историческую¹ и материальную. Соответственно, классификация этого процесса может быть произведена по двум категориям источников: в первом случае письменным, во втором – археологическим.

Социально-историческое измерение процесса византинизации города сводится к следующему:

– происходит элитаризация муниципального строя; оформление слоя верхушки куриалов (нотаблей);

– верхушку города теперь составляют прежняя куриальная знать, епископ, богатое духовенство, а также новые независимые землевладельцы и чиновники в отставке;

– в условиях упадка курий и сословия куриалов «новая» часть городской верхушки приобщается к традиционному полисному патриотизму и даже обретает его заново;

– муниципальные функции и обязанности становятся наследственными;

– посткуриальная эпоха доминирования городских нотаблей наступает с середины VI в.;

– происходит замещение многих муниципальных функций церковью;

– в городскую жизнь активно включается государство²;

– город еще при Юстиниане имел значительные собственные средства;

– многие города переформируются в центры торговли вместо центров производства;

– в конце VI – начале VII вв. в целом еще продолжается строительная активность в городах в частной, церковной и общественной сферах;

---

¹ Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV–VII вв. Л., 1971; *Он же*. Разложение античной городской собственности в Византии IV–VII вв. // Византийский временник. 1973. Т. 35. С. 20–23; *Цмиляннич М*. Концепция континуитета византийского города в трудах Г. Л. Курбатова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2012. № 4. С. 104–113, а также другие работы.

² Треть бюджета крупных городов, например, Антиохии, формировала уже императорская власть, не считая экстраординарных расходов в случае катастроф и войн.